1

Трамвайный вагон номер 43 вела заурядная женщина тридцати лет, и звали ее Анна. Тут читатель засмеется и бросит книжку. Но напомню, что у Булгакова Аннушка не вела трамвай, а разлила масло. Да и что же мне делать, если решил по возможности сохранить подлинные имена героев этой реальной истории. А случилась она в 1953 году в городе Владивостоке.

Итак, Анна Петрова, стронув трамвай от остановки «Горпарк», начала забирать вправо, обходя крыльцо Педагогического института. И словно провожали вагон гипсовые студент и студентка по бокам довольно широкой лестницы. Вожатая привычно глянула влево вдоль Китайской улицы — нет машин. И еще один гипсовый «советский человек» у ворот ГПКиО, приветственно поднявший руку, как бы указывал трамваю путь в светлое будущее, то есть во Врачебный переулок.

Эти две сотни метров были самым глухим отрезком пути. Справа тянулся откос, заросший в начале ромашками, а дальше, к краевой больнице, — полынью и пустырным пасленом. Слева — узкая пыльная грунтовка, и вдоль нее — заборы частников, барак беленый, склады… Правда, уклон крутоват, а в конце — резкий левый поворот. Но движения — ни вдоль, ни поперек; можно и подумать о своем. О каком своем? Да о Федьке, конечно.

Что? Моторы задергались! Потеря сети? Ну да, даже искры… Анна мгновенно двинула контро́ллер, крутанула колесо тормоза и взглянула вверх. Провода контактной сети раскачивались вверх-вниз почти на полметра. Анна вмиг опустила бугель и уже без паники открыла двери вагона.

«За восемь лет работы такого не было!» — подумала она. Как только к городу подходил сильный тайфун, да и на полсуток после него, движение трамваев прекращали. А сейчас — ни ветерка, туманный, но тихий июнь, однако сеть — ходуном.

Пассажиры покидали вагон, кто угрюмо молчал, кто вздыхал, а некоторые и ворчали на водителя: «Дрова везешь, что ли?» Анна взяла тормозные башмаки, вышла тоже, сунула их под колеса. И заметила у рельса и на шпале неровное пятно засохшей крови.

— Тьфу, чертовщина! — прошептала она. Пятно было облеплено рябыми куриными перышками, да и по гравию — куриный пух. И водитель все вспомнила: на прошлой неделе как раз тут… Ну, она лихо, но допустимо, вела вагон. Вдруг справа из полыни и паслена с безумным кудахтаньем прямо под колеса метнулась рябая курица. «Все — готова!» — сразу почувствовала Анна, инстинктивно рванув тормоз.

Благо, стоявших в вагоне не оказалось. А на завалинке барака сидели две старухи, и они уже подняли крик. Из двора выскочили ребята малые, три-четыре замарашки, и с ужасом смотрели на бьющийся у заднего левого колеса окровавленный комок перьев.

Анна быстро отпустила тормоз и стала набирать ход. Даже в Успенке, деревне, где она родилась и росла, все знали: гуси — степенная птица, а куры — заполошная. И если проезжий грузовик задавит гуся при свидетелях, то еще можно отсудить штраф. А за курицу — бесполезно: кура — дура!

За неделю почти забылась эта история. И вот сегодня… «А я — не дура? — подумала Анна. — Вон уже и за мной вагон стоит, и встречный. Чего это я про курочку рябу вспоминаю?» И она решительно скомандовала кондуктору:

— Маша, беги в Пединститут: там телефон у вахтера, звони в путейский… Ну, ты видишь…

И она кивнула на бугель.

Минут через пять вернулась Маша:

— Все — доложила! Но чего-то Максимыч перепугался шибко…

Максимыч был инженером пути, видавшим виды, и такой пустяк его не должен бы испугать. Но, пока за Анной не собралась пара вагонов да три встречных, провода не успокоились. Вниз по обычно безлюдному Врачебному переулку брела длинная толпа понурых трудящихся. До праздника Октябрьской революции было еще четыре с лишним месяца. Однако народная демонстрация не вовремя — это, конечно, чрезвычайное происшествие.

2

На следующий день Максимыч пришел в депо ни свет ни заря и каждую вагоновожатую лично предупредил, что на перегоне «Горпарк — Больница» возможен такой вот сюрприз. А боялся он потому, что еще тремя днями раньше точно такая же авария случилась у лучшей вагоновожатой Швейко. Тогда во Врачебном переулке собралось полдюжины вагонов. Максимыч примчался на полуторке с аварийной бригадой, когда контактная сеть уже замерла как ни в чем не бывало. Пришлось актировать «аномально сильный шквал», а сейчас это оборачивалось сокрытием вредительства на транспорте. Хорошо подумав, инженер пути начал писать заявление в милицию, предусмотрительно датируя его позавчерашним числом.

А между тем трамваи по Врачебному переулку шли крадучись. Вожатых сжигало напряжение, будь возможно, они бы разворачивались у горпарка и крайбольницы, оставив путь «Вокзал — Рабочая» без электротранспорта. Не знаем, как Швейко, но Петрова вела вагон в тоске, шепча про себя: «Пронеси, господи!» И господь проносил, она почти спокойно пошла на последний в смену пробег вверх к парку. Провода — раскачивались! Сначала едва-едва, потом все сильнее. Напротив пятна куриной крови Петрова покорно остановила вагон, открыла двери и сказала в салон:

— Все — авария! Приехали…

Многие пошли пешком, кое-кто костерил «этот чертов трамвай». Аня машинально взяла из угла кабины совок уборщицы, вышла на дорогу, зачерпнула пыли погуще и, как во сне, засыпала пятно крови, похожее на темно-красную тушь. Швырнула совок на место, села в кресло водителя и заметила, что встречный вагон уже стоит, выпуская пассажиров. Опустила голову на руки, сползая в полусон. Всю ночь был скандал с Федором…

— Ну, чего сидишь? Можно ехать уже!... — привел ее в чувство инженер пути. — Почему сама не позвонила? Пять вагонов уже собрала.

Да, провода чуть подрагивали, встречные трамваи уже спускались под гору, два вагона стояли позади. Аня подняла бугель, закрыла двери и стронула вагон.

— Пассажиров не бери, веди прямо в депо, — сказал инженер.

Через четверть часа Аня сдала вагон и пошла, как велели, в комнату инженеров. Там уже были начальник депо, инженер пути, кто-то из парткома и милицейский чин.

— Вот что, Петрова, мы тут акт сочинили… Подписывай. Да не боись!... И еще: ты позавчера отгул просила; так вот — бери за свой счет день отпуска, а мы тут разберемся… — начал инженер пути.

— Да не надо уже…

— Бери, бери! Вот тебе и повестка из милиции, — сказал начальник депо и протянул ей серую бумажку.

3

— Понял, товарищ капитан! — сказал дежурный в трубку телефона и, повернувшись к Саше, скомандовал:

— Эй, практикант, дуй к начальнику отдела.

У двери шефа Саша отрепетировал рапорт, постучал, услышал «Войдите» и…

— Вот тебе, Иван, помощник и ученик; можно сказать, с высшим образованием. Обучишь — твой будет. Ну и, как я обещал, от дела в Славянке я тебя освобождаю, передашь в контрразведку флота. А ты прими этот довесок с трамваем. Раскрутишь дня за три-четыре, с таким-то помощником!..

Самохину крыть было нечем, да и знал он давно, что в системе не просьбы, а приказы. Он скептически осмотрел стажера, вздохнул и спросил:

— Значит, в школе милиции учился? Заочник юридического? А к нам попал после объединения чекистов и милиции?

Саше оставалось лишь подтверждать: «Так точно, товарищ майор!» А Самохин продолжал сыпать вопросами, похлопывая по тонкой папке у себя на коленях. «Так это же мое личное дело!» — догадался стажер. — Вот откуда он все знает». Между тем начотдела, подполковник, что-то дописывал. Закончив, дал подписать Самохину. Тот вернул «Личное дело», получил от начальника другую папку и уже официально спросил:

— Разрешите идти?

— Иди, Иван. Удачи! И постарайся не тянуть — есть дела поважнее.

Самохин привел Сашу в свой кабинет и быстро просмотрел розыскное дело. Благо, кроме постановления о возбуждении, заявления Максимыча в милицию да акта депо в нем еще ничего не было.

— Ну, посмотрим, чему тебя научили, — сказал майор. — Вот, ознакомься.

Он протянул папку Саше и продолжил:

— Мне скоро допрашивать инженера и Петрову эту. А ты дуй в трамвайное депо на Первую Речку и вытряси все о ремонтах пути, контактной сети, вагонов указанных, а главное — о причастных людях. Прояви смекалку. Вернешься — жди меня хоть до ночи. Мне еще мотаться по другим делам.

4

Федор Крючков был в депо как петух в курятнике. При острой нехватке слесарей и особенно электромонтеров бронь ему дали еще в июле сорок первого. Да и продлевали до весны сорок пятого. Но и с японцами воевать его не взяли — куда

необученного? Или по какой другой причине… Но Федор не смущался, напротив, козырял тем, что «особо ценный». А еще — выдавал себя за брата актера Николая Крючкова, благоразумно — сводного. Подражал «Крючку», кумиру женщин страны, безбожно, зато: «все бабы — мои!» Однако не все коту масленица: как-то Максимыч попал на встречу со столичными актерами, приехавшими в Приморье, и обрадовал Н. Крючкова, что в депо работает его близкий родственник. Любимец народа едко высмеял очередного «брата». Тогда Максимыч краснел-бледнел, но на профсобрании злобно отыгрался на Федоре.

Из-за такого пассажа Федор потерял почти всех «невест», но вдруг приклеился к Анне Петровой. «На безрыбье и рак рыба», — судачили в депо. Однако дело было не в этом.

Петрову привела в депо ее тетка, старый бухгалтер, устроила ее кондуктором. А вскоре продвинула засидевшуюся в девках племянницу на курсы водителей. Аня из Успенки, как звали Петрову товарки, проживала у тетки в ее приличном частном домике на краю оврага, что напротив агарового завода. Место не ахти: в общаге завода гнездились уголовники. Да и в овраге с весны до осени ютилась в землянках шпана. И минувшей зимой тетку подкараулили: ограбили, раздели и ткнули финкой в печень. Оказалось, бездетная тетка за месяц до того оформила завещание на Анну. Так Петрова стала «невестой с квартирой», и Федор сразу начал к ней захаживать.

Но в этот вечер он пришел какой-то затаенный и без поллитровки. Последнему обстоятельству Анна бы обрадовалась, но была оглушена допросом в «милиции». Следователь Самохин вроде и не грозил, расспрашивал даже с участием. И все же выходило так, что Анну посадят лет на десять, если она не найдет в депо того, кто трясет провода и срывает работу трамвая. Петрова божилась, что ничего не знает, что купила бы полдюжины кур вместо той рябой, кабы знала, чем обернется это дело.

— Припомни, кто у тебя враги в депо, среди них и надо искать, — советовал Самохин.

— Господь с вами, нет у меня врагов. Никому я зла не делала…

— А у государства рабочих и крестьян враги есть! Ты ведь из крестьян, да и в рабочий класс вросла. Значит, враги государства — и твои враги.

Совсем сбитая с толку, Петрова замолчала.

— Учти, что враги маскируются, гады. Приглядываться надо ко всем. И к Максимычу, и к Федору Крючкову, и к Швейко. Ко всем!

И вот сейчас Анна заметила, что Федор что-то темнит.

— Ну что — вызывали? — приглушенно спросил он, доедая борщ.

— Вызывали… — вздохнула Анна. — Да зря все это: не виноватая я.

— Зря не вызывают, — веско сказал Крючков. — Коготок увяз — всей птичке пропасть.

И он принялся уплетать жареную картошку. Анна так и похолодела, застыла вся. Через пару минут слабо возразила:

— Да ну, подумаешь — курицу рябенькую задавила… А провода — не мое это дело. Тут у милиции вышла ошибочка.

— Органы не ошибаются! — резко рубанул Федор.

Покончив с картошкой, он взял кружку с чаем, добавил в нее сахару.

— Что же мне делать? — в отчаянии прошептала Петрова.

— Ты… вот что: получишь лет десять, ну, дай бог, пять-семь. С конфискацией. Так ты… напиши быстро дарение хаты. На меня. Отсидишь — так будет, куда вернуться. Иначе заберут хату-то…

— А успеем до суда расписаться? — засомневалась Анна.

— Как раз этого и не надо: могут меня отселить, а дом забрать, — пояснил Федор, прихлебывая чай. — Я и так рискую, принимая дарственную от тебя, подследственной.

Петрова мучительно пыталась разложить по полочкам сумбур в голове. Но тут во дворе залился лаем пес. Крючков поперхнулся чаем, метнулся в угол. Заметив на этажерке учебники по трамвайному делу, схватил два и приказал Анне:

— Скажешь, что вот — за книжками зашел.

Петрова обреченно вышла на крыльцо. Из-за калитки выглядывала ее кондуктор, Маша Симоненко:

— Анюта! Максимыч прислал сказать тебе, чтобы завтра же выходила на работу, — прокричала она, заглушая собачий лай.

— Так ведь меня с приказом ознакомили: отгулы мне, — удивилась Анна.

— Выходи. Приказ отменят! — сказала кондуктор.

И уже когда, успокоив пса, к ней подошла Анна, Маша прошептала:

— Так милиция приказала… Выходи завтра, мне тоже велено.

И добавила торопливо:

— Ой, побежала я — дома дети одни!

А Петрова поплелась в дом. В голове гудело, но она поймала себя на злой догадке: а вдруг Федор подстроил ей вредительство? Чтобы завладеть домом.

5

Накануне вечером, когда Саша вошел в Управление, дежурный в вестибюле вручил ему записку Самохина: «Меня не жди. До завтра».

Наутро стажер пришел пораньше, но майор уже был в кабинете. Он спрятал в сейф какое-то дело, взял оттуда знакомую Саше папку и сказал:

— Ну, докладывай!

— Во время войны участок пути по Врачебному переулку не ремонтировался. Но подтягивали контактную сеть после тайфуна. Еще раз подтянули в мае сорок седьмого. Записано «после снегопада». Я не поверил, но старые работники подтвердили.

— Да, был снег, и большой, я помню, десятого-одиннадцатого мая. Я сам удивился, — кивнул Иван.

— В обе подтяжки в бригаде был Федор Крючков. В последней — даже бригадиром: прежний уволился после войны и уехал за Урал в сорок шестом.

За ремонт пути взялись лишь в пятидесятом, силами военнопленных японцев: замена шпал, подсыпка гравия. Конвой — четыре бойца с винтовками на полсотни человек. Надсмотрщики от депо — поочередно Саенко и Крючков. Инженер пути тоже приезжал нередко.

Между прочим, в трампарке знают, что пять дней назад такая же авария была с вагоном номер 21. Мне даже говорили, что дольше стояли. А вот в диспетчерском записано, что «шквал ветра». Метеостанция на Орлином гнезде шквал не подтвердила, да и ближайшая площадка, метеотехникума, тоже. Выходит, этот случай инженер пути пытался скрыть.

Вагон двадцать первый — лучший в депо, вручен ударнице труда Швейко, и сменщицу она себе подобрала стахановку. А вот сорок третий — уже после двух капремонтов. Но по бумагам исправен. Вожатая, Петрова Анна, взысканий не имеет, но и поощрения — только к Восьмому марта. Да и сменщица такая же. А вот кондуктор сорок третьего, Мария Симоненко, сказала, что Петрова уже года три сожительствует с Крючковым Федором. Но живут

плохо, он часто пьет, уходит к другим бабам. Да и койка в общежитии у него есть. Ему двадцать семь лет, Петровой — тридцать. А еще эта Маша сказала, что Петрова обмолвилась, будто ей, возможно, мстит хозяин рябой курицы, которую она переехала там неделю назад. Бред какой-то: за курицу — трамваи останавливать!

— Ну, Петрова вчера у меня на допросе то же самое высказала. Темная баба, да и затюкал ее этот Федор. Но проверить это тебе придется. Вот прочти протоколы вчерашних допросов, поищи, где в них нестыковки с тем, что ты сам накопал. Да и сходи к хозяйке покойной курицы. Зовут ее Клавдией. Муж ее с марта под Ленинградом, в Рамбове*, на курсах. Скажи, что из милиции: мол, соседка ее, Чеканова, заявила.

— Кто такая эта Чеканова? Еще откажется…

— Не бойся, не откажется. Я ее вчера вечером предупредил. А хозяйка курочки рябой живет по Врачебному, 6, квартира 8, направо по коридору…

6

Саша вошел в барак, по скрипучим доскам вымытого пола миновал общий коридор и свернул направо. Здесь особенно воняло кошачьей мочой и не было света. Но он помнил: последняя дверь слева. И вдруг именно из-за нее взревел жуткий мужской бас:

— Ширра, Кастро, Нама, Йаррад, Найа-а-а-а!

Саша оцепенел, мурашки побежали по спине. Но через секунду он рванул дверь и влетел в комнату, готовый драться с этим озверелым мужиком, с Ширрой и Кастро…

Однако в комнате за обеденным столом сидели трое детей, мал мала меньше. Старший, лет пяти, с ужасом в глазах обернулся к Саше. Девчонка-трехлетка вовсю ревела, а пацан года на два уже захлебнулся слезами и соплями. Их мать тянулась к репродуктору, торопливо убирая звук и почти крича в диффузор «…твою мать!». А из черной тарелки неслось:

— Мно, Гавней, Лисо, Фпалей, Ирррэк!

«Тьфу, — догадался Саша, — это же Поль Робсон поет! «Я другой такой страны не знаю…».

Женщина резко обернулась, увидела человека в форме, отдернула руку от радио, не решаясь выключить. И сказала детям, вопросительно глядя на Сашу:

— Ну что вы — это же дядя поет! Очень хороший дядя-негр. И мама у него хорошая…

— Я помощник вашего участкового, — сказал Саша полуправду. — Ваша соседка заявила, что трамвай задавил вашу курицу, единственную. И вы хотели бы получить компенсацию с водителя.

— Ничего я не хочу, — настороженно сказала женщина. — Курица сама дура. Да и съели мы ее уже, и бульон доели.

— Но она ведь яички несла для детей. А сейчас вот они пшеном давятся, — нажал Саша, заметив, что девчонка капризно отставила тарелку.

— Ну че ты надулась, че не ешь? — тоскливо напустилась на нее мать.

— Рыбы хочу-у! — заканючила девчонка.

— Какой рыбы? — удивилась мать.

— Курица котора называется!.. — захныкала дочка.

---

* *Рамбов — Ораниенбаум, ныне г. Ломоносов.*

Старший пацан вылез из-за стола, сверкнул глазами на сестру и пошел в угол с игрушками. «Кривоногий, слабый, — отметил Саша, — видно, рахит перенес».

— Как же вы теперь без кур? Может, напишете заявление? Вы номер трамвая запомнили?

— Я и не видела его.

— А может, кто из соседей заметил, вы не спрашивали?

— Зачем? Да и что с трамвайщицы слупишь — может, у ней тоже куча детей…

— И что, — удивился Саша, — вы на нее никакого зла не держите? Небось, из соседей кто-нибудь и то обиделся за вас, озлился…

— Да уж забыли все это дело…

— Не все забыли: вот соседка ваша, Чеканова, за вас горой.

— Ну, она за всех горой — да только на словах, — усмехнулась женщина. — Да и вобще…

— Что «вообще»?

— А кто с этой заступницей связывался — все плохо кончали.

— А нашлись бы у вас надежные защитники, если чего? — спросил Саша. — Участковый сказал, что муж-то на курсах в Ленинграде.

— Я и сама защититься могу, — с вызовом сказала женщина. — Воевала в Маньчжурии. У меня и медаль есть «За победу над Японией», и благодарность от самого товарища Сталина с его личной подписью!

Она вынула из комода грамоту. Конечно, с факсимиле: таких напечатали в сорок пятом сотню тысяч. Но надо было видеть, с какой любовью хозяйка пристроила ее на комоде. И с вызовом посмотрела на Сашу. Он понял, что здесь зацепиться не за что.

7

К обеду Саша вернулся в Управление. Самохин тщательно расспросил его о беседе в бараке и задумчиво сказал:

— Может, ты и прав, что курица ни при чем. Но мы все-таки последим за ее хозяйкой.

— А кто? — удивился стажер. — Откуда человека взять?

— Ну, ты о нем слышал: это Чеканова. Она считает себя чекисткой, хотя старше самой ЧеКа.

— Как это? — не понял Саша.

— Да когда мне ее передавали, сказали, что еще в семнадцатом в архиве местной охранки нашли рукописный список филеров. А в нем то ли Чекатова, то ли Чекапова. Короче, эту Чека… хотели найти. Ну, потом интервенты, гражданская. Но список уцелел, и уже при Дерибасе нашли-таки эту Чеканову, в Никольске, в Ворошилове то есть. Завербовали сразу, легко. Правда, у нее усердие затмевает разум. А когда весь квартал догадался, что она сексот, перевели ее во Владик и дали мне. Сначала вроде тянула…

— Да, пока не забыл, — перебил майора Саша, — и здесь ее, видимо, уже раскрыли: мне сказали, что от ее помощи все шарахаются.

— Знаю я, — с досадой сказал Иван. — Но нам она напоследок пригодится. С худой овцы хоть шерсти клок. Тоже мне — чекистка! Ее Чекушкой зовут, между нами.

Зазвонил телефон. Самохин взял трубку, помрачнел и через полминуты бросил ее на рычаг:

— На Врачебном трамваи стоят. Первым — номер 43. Бежим! Перехватим на отходе.

Проходными дворами с улицы Менжинского через Уткинскую они вышли во Врачебный. Увы, надежда встретить кого-нибудь подозрительного пошла прахом: поток озлобленных пассажиров дал встречный ручей через дворы. В нем легко мог затеряться и диверсант.

Вскоре провода успокоились, и трамваи один за другим стали расползаться. Пришлось возвращаться в кабинет, сгорая от позора.

— Ну, как видишь, это не хулиганство, — начал Самохин. — Вполне тянет на пятьдесят восьмую, пункт девять. А там мера как в пятьдесят восемь-два: до вышки! И ведь как, гады, ловко: ни взрыва, ни поджога, ни повреждений нет. А «подрыв транспорта, противодействие нормальной деятельности» — налицо. Дискредитация власти — еще какая, да и нас, чекистов. Ведь до Крайуправления МВД — сотня метров, ну две от силы. Тут и горпарк — массовое место. И крайбольница — стратегический объект. И кондитерская фабрика — она весь край кормит, а под забором — диверсанты. Сто грамм цианида, и… чуешь, чем пахнет?

Майор прошелся по кабинету, но это его не успокоило, и он продолжил, распаляясь:

— Детская больница на углу Врачебный — Китайская, детская поликлиника на стыке Врачебный — Уткинская. Склады тут же. Вот через месяц в пединститут абитура соберется со всего Дальнего Востока, а у них под окнами — трамвайный цирк! Не поймаем к той поре эту Курочку Рябу — оторвут нам кое-что… Да еще школа близко, семьдесят пятая, лучшая в городе. Знаешь, сколько там детей ответработников? Из крайкома партии, из крайисполкома… Не говоря уж о городе. К сентябрю точно оторвут, что останется.

Иван отрыл сейф, выложил перед Сашей толстую пачку справок и выписок, а сверху — обстоятельный рапорт участкового милиционера. И сказал:

— Рой землю, Сашок. Ищи, думай. В архиве нашем запроси: вдруг кто уже светился. А я сейчас побегу — Чекушку озадачу. Да и участковый, на наше счастье, комнату снимает на Врачебном.

И Саша «рыл землю» дотемна. Самохин то приходил, то снова исчезал на часдругой, то опять возвращался. И наконец сказал:

— Уезжаю на Угловку. Допуск на ключ от кабинета на тебя оформил. Сдашь сам ключ, как закончишь. Завтра поговорим.

8

Утром Саше удалось появиться раньше Самохина, и он полноправно получил ключ от кабинета. Майор пришел в хорошем настроении: видимо, был успех в «других делах».

— Вот что я нашел, — не без гордости начал Саша. — Во-первых, дед Добрицкий. Когда шла кампания по сдаче царских орденов и медалей, он оказал сопротивление. То есть нет, не оказал, но заявил, что ничего нет. А все соседи, да и Чеканова, видели у него георгиевские кресты, четыре штуки. Этот Добрицкий и восстание в Китае подавлял, и в Русско-японскую в Порт-Артуре был, и в империалистическую. А от Гражданской уклонился, нет данных, что был у Колчака, Семенова или Дитерихса. Он заявил тогда: «Ищите кресты сами. Найдете — отвечу». Обыск ничего не дал.

— Видел я этого гренадера, — сказал Самохин. — С весны до осени по пояс голый ходит. Он на Суйфунском базаре мусорщик. Ну и за порядком следит. Вряд ли он провода трясет: богатырь — и Курочка Ряба…

— А вдруг впал в детство? Со стариками такое бывает.

— Нет, с ним не случится: он после революции вроде как Лев Толстой.

Саша пожал плечами: мол, как знаете. И продолжил:

— Во-вторых, есть о хозяйке курочки рябой. В двадцать пятом году умер ее отец. А в тридцать седьмом был ордер на арест друга отца, некоего Терентьева. Уже и за квартирой вели наружное наблюдение, в четыре ночи, как обычно, должны были взять. А в квартире всю ночь горел свет, играл патефон. Наши постучали. Им открыла Клавдия, тогда — девчонка тринадцати лет. Больше там не было ни души! Все, что от нее добились: Терентьев попросил ее всю ночь крутить пластинки. А сам с семьей исчез. Так и не нашли — у него опыт подпольщика еще с девятьсот пятого года. Следившему — расстрел, а потом и еще одному сотруднику ГПУ: заподозрили, что это он предупредил Терентьева.

Самохин недовольно поморщился. С чего бы это?

— В-третьих, — гнул свое Саша, — у Клавдии было два брата. Оба работали на Дальзаводе и не раз попадали в облавы милиции. Впрочем, за драки и мелкое хулиганство. Старший в войну отслужил на лидере «Тбилиси», сейчас — классный модельщик. А вот второй имел бронь как лучший токарь. Так он срочно вступил в комсомол, тогда стали всех принимать. И тайно выбил в горкоме путевку на фронт. Ну, завод против горкома не пошел. Последнее письмо от ее брата было через четыре дня после отправки эшелона, из Новосибирска. А потом — на все запросы отвечали, что «в списках убитых и пропавших без вести не числится». Как это? Где же он?

— Ну, еще что? — спросил Самохин с досадой. — Что дальше?

— А в-четвертых, муж Клавдии — из семьи осужденных на отселение. За потерю классового подхода: его отец был главой сельсовета и в голод после гражданской распределил мешок американской муки не по-партийному, а по количеству детей в семьях, включая кулацкие. Потом за такое в СЛОН отправляли. Прибыл муж Клавдии сюда на флот перед войной: грамотных была нехватка. Выучили его на моториста. В сорок первом включили в бригаду Безверхова, в ту самую, остатки которой потом пополнили и создали 25-ю Чапаевскую. Так мужа этой Клавдии и еще девять мотористов сняли с эшелона за полчаса до отправки какие-то сотрудники НКВД. Дальше непонятно: отправили их в Америку, в Сан-Франциско… Вернулся он лишь летом сорок пятого, и сразу — на подводную лодку взяли. Вроде бы воевал с японцами. Сейчас, как вы знаете, в Ленинграде. Запросить контрразведку флота?

— А вот тут я тебе сам поясню, — оживился Самохин. — Эту группу мотористов отобрали и проверили люди из Москвы. Сам Берия утвердил список, я видел. И послали их в США получать моторы для торпедных катеров, по ленд-лизу. Я…

И вдруг Самохин просиял и хлопнул себя по лбу:

— Как же я, дурак, раньше не догадался! Совсем чокнулся с этим делом в Угловке…

В дверь постучали. Майор рявкнул:

— Войдите!

Вошел сержант-фельдъегерь:

— Товарищ майор! Тут вот дежурному на входе странная записка. Вроде бы вам…

Самохин схватил бумажку, глянул и буркнул сержанту: «Можешь идти».

— Вот сигнал от Чекушки: что-то срочное. Ну, у нее все срочное, — с иронией сказал он. — Однако придется идти… тебе. Если в самом деле важное — сразу беги ко мне. Живет она по Врачебному, 5, левая дверь. Мелкая такая старушонка.

9

Чеканова оказалась бойкой старухой неопределимого возраста и ростом, как говорят, «метр с кепкой». Так что кличка «Чекушка» подходила ей как нельзя лучше. Услышав от Саши условную фразу, она сразу перешла к делу:

— Дождалась я, когда Телешева Валька, соседка, на базар ушла, а мужик-то ейный был на работе, ну и пошла. Решила еще раз проверить девчонку ихнюю, Светку. Вбежала к ней, конечно, без стука — ребенок и не заметит, а мать небось бы обиделась. Ну и говорю, соли, мол, нема ли у вас. А Светка эта сидит и рисует на фанерке, от посылки, от ящика. Неделю назад они получили из Пензы: семечки там, носки-варежки, масло конопляное, ой, пахучее! Да ишо краски эти, кисточки… Вот рисует она…

— Ну и что тут плохого? — перебил ее Саша.

— Так что рисует-то?! Товарища Сталина!!

Последние два слова Чекушка воскликнула шепотом. Такому искусству позавидовал бы любой оратор, подобного Саша еще не видал.

— Может, не товарища Сталина? Похожего кого-нибудь…

— Его! С газеты срисовывает. Аж язык высунула! Вроде как Ему показывает.

Саша промолчал.

— Я, конешно, виду не подала, — продолжала старуха, — а сама понимаю: ведь это покушение на Него-то. Ишь, чего удумала девчонка…

Саше стало как-то тоскливо, он попробовал утихомирить Чекушку и спокойно, с грустью сказал:

— Товарищ Сталин скончался еще в марте, пятого числа. Какое же теперь может быть на него покушение?

— Да помню я, помню, конечно. Уж как я плакала! И всю весну, бывалоча, сижу вечерком у окна да плачу. А вот Светка-то поплакала день да и перестала. И когда хоронили товарища Сталина в мавзолей, гудки-то гудели на весь город, и заводы, и пароходы, и машины. Под вечер гудели, уж сумерки. А Светка и говорит: «Страшно!» Чуешь, мил человек? Народу советскому так торжественно, а ей, вишь, страшно! Девка-то большая уже, четырнадцать скоро — должна бы понимать. Еще посмотреть бы, чему ее родители научают…

Саша вспомнил, что вчера он читал в рапорте участкового: «девочка отличница, идейная, мечтает стать учительницей и вечно играет в школу с дошколятами во дворе». Еще тогда он заочно проникся к ней симпатией и сейчас мгновенно понял, что ей грозит большая беда. Он еще не знал, что ему делать, но действовать надо было немедленно.

— Сейчас мы решим этот вопрос, если возьмем ее с поличным. Она одна дома? Вы пойдете в понятые.

— Одна, одна! Конечно, пойду, а как же!..— Старухе очень льстило обращение на «Вы»: Самохин ее этим не баловал.

10

Саша решительно пошел во вторую квартиру. По дороге резко бросил Чекушке:

— Останьтесь пока в коридоре! Я вас позову, когда надо будет.

Дверь была заперта на крючок изнутри, но он так требовательно рявкнул «Откройте, милиция!», что растерянная девочка-подросток предстала перед ним через три секунды. Отодвинув ее рукой, стажер вошел в комнату, захлопнув дверь. Быстро оглядевшись, заметил угол, увешанный детскими картинами. Ничего… Рванул

ящик столика под ними: «Ага! Вот где сохнут!..» На крышке от посылки была довольно точная копия-фрагмент васнецовского Муромца. А на бывшем донышке… Саша мгновенно сунул эту фанерку в свою папку между листами чистой бумаги, едва заметив маршальские погоны и усы. Обернулся к двери и злорадно крикнул:

— Понятая! Прошу вас, войдите!

Чекушка резво впорхнула, упиваясь своей важной ролью.

Саша показал ей крышку-фанерку стороной с адресом «Пензенская обл.» и т. д.

— Эта?

— Эта, эта! — радостно подтвердила Чекушка.

— Вы настаиваете, что именно эта?

— Да, она, она самая!... От посылки.

Саша как бы разочарованно показал старухе фанерку обратной стороной. Удивление едва мелькнуло на лице Чекушки, сменившись страхом, ужасом, паникой: слегка повернув голову, на нее укоризненно насупился из-под ладони-козырька Илья Муромец. И будто показывал ей большую дубинку-булаву.

Страх мгновенно заразил и девчонку. Не давая им опомниться, Саша, как бы думая вслух, сказал:

— В нашей стране рисовать товарища Сталина можно только по особому разрешению соответствующих органов. Только один художник во Владивостоке имеет такое право. Художества остальных считаются карикатурой. А это признается контрреволюционным действием, подпадает под Статью 58-1 Уголовного кодекса и карается как покушение на…

Повернувшись к Чекушке, он продолжил:

— «Клевета, то есть распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений, — исправительно-трудовые работы на срок до шести месяцев» — Статья 161 Уголовного кодекса.

Чекушка потеряла дар речи. Саша вышел в коридор, старуха покорно семенила за ним, прячась за его спину. «Ну, теперь Светка запомнит этот день на всю свою жизнь, — подумал он. — А старуха… вдруг накатает на меня “телегу”?»

И липкий страх стал вползать ему под рубашку.

— Идите домой! — тихо сказал он Чекушке. Она юркнула в свою комнату. А он пошел вниз по переулку.

Но надо было избавиться от улики. Саша лихорадочно зыркал по сторонам: «Куда, куда Его?» С каждым шагом Управление ближе, а там… Он почти прошел сквер у поликлиники. Дальше — только асфальт и чистый тротуар. В углу сквера — куча мусора: сухие ветки, вроде бы солома, обрывки бумаги. Саша резко свернул к ней, воровато огляделся, вынул из папки фанерку и сунул ее в середину кучи лицом вниз. Трясущимися руками поджег мусор. Пламя вспыхнуло, и стажеру показалось, что где-то глубоко в себе он, удерживая слезы, шепнул: «Простите, товарищ Сталин».

11

— Чего ты так долго? Есть интересное? — этими вопросами встретил Сашу майор.

— Н-нет, как будто, — ответил стажер. — Вместо дела она девчонкой-подростком занялась, Телешевой.

— Так и знал! — с досадой сказал Самохин. — Заставь дурака богу молиться — он и лоб разобьет. Я ее ориентировал на молодежь в первую очередь. А там всего-то три девицы: Галина Минская, Светка Телешева да Оксана Пилипчук.

— Да, я вчера собрал справки. Пилипчуки год назад приехали с Западной Украины. Боялись бандеровцев. Наши сразу проверили их — все чисто. Корней у них тут нет, пугливые, русского языка почти не знают, смешат своей «мовой» всех соседей. Ну, Телешева — домашняя, тихая. А вот к Минской парни ходят: заневестилась.

— Правильно мыслишь, — поддержал Иван. Вот на этих «женихов» я и назюкал Чекушку. Ведь такой глупостью — маскировать свои дела местью за курочку рябую — взрослые мужики побрезгуют.

— Думаете, молодежь? — спросил Саша. — И откуда это у них? Ведь все для них делается: и учеба, и спорт, безработицы почти нет. Комсомол старается. Вот в войну они — геройски… А сколько подпольщиков было в тылу, да целые отряды из молодых партизан.

— Ну, брат, правда в том, что гестапо их почти всех выловило быстро. А мы что — хуже? Поймаем эту Курочку Рябу да и весь курятник.

— И откуда они берутся? — удивленно-раздумчиво продолжил Саша. — Ведь уже при Советской власти родились. Фильмы им какие хорошие: «Веселые ребята», «Светлый путь»…

— А они на «УСВИТЛый* путь» встают, — съязвил майор. — Все потому, что старики-хитрецы их с панталыку сбили. Троцкий-гад, например, на юнгавангард опирался. Автономию комсомола выдумали. Рютинцы тоже, школка Бухарина… Плоховато же тебя учили. Про «Компартию молодежи» слышал? Совсем свежее дело, года три назад раздавили гадину.

Помолчав, Самохин добавил:

— А группа СДР? Гуревич, Слуцкий, Леонтьев и прочие. По пятнадцать — семнадцать лет всего, а туда же! Самого Абакумова провели, детьми прикинулись…

Саша помрачнел, не от обиды — от стыда, что еще так мало знает.

— А фильмы молодежь смотрит не только наши, — продолжил Самохин. — Вон «Тарзана» крутили по городу, так сколько Тарзанов объявилось: на Эгершельде, на Первой Речке, на Первомайке даже два. А в Гнилом углу у Тарзана маруха Читой назвалась, обезьяной! Шпану плодим. Кричат по ночам дико, граждан грабят, уголовка с ног сбилась.

Стажер криво улыбнулся.

— Ладно, не обижайся, — закончил майор. — Ты вот мне с утра напомнил про одного человечка. Он нам сегодня же скажет кое-что про эту Курочку Рябу. Иди обедай, а потом пойдем к нему — я договорился. Познакомишься.

12

Через два часа Самохин освободился и повел Сашу к Суйфунскому рынку.

— Так вот, — начал он по дороге, — в войну доставили моряки из Фриско первые моторы для катеров. И все, все до единого, так тряслись, что вот-вот разлетятся. Да не моряки тряслись, а моторы. Моряки потом стали трястись, когда мы за них взялись. В Америке-то все в порядке, наши проверяли. И здесь, на заводе, все под контролем. Трюмы вроде под пломбами были, но… Короче, могли бы и шлепнуть кое-кого. И тут один молодой инженер — он физик был, с университета взятый — сказал: «Да резонанс это!» Короче, какие-то там собственные колебания на наших катерах совпали с частотой ленд-лизовских моторов. Переделал он станины — и все о` кей, как говорят янки. Вот к этому физику мы и идем. Кстати, он тоже Саша.

---

* *УСВИТЛ — Управление Северо-Восточных исправительных трудовых лагерей (1932— 1957 гг.).*

Между тем, пройдя Суйфунский рынок насквозь, они перешли дорогу и вошли в серое, чуть вычурное здание, где не так давно размещался НКВД. Но теперь его снова вернули университету. А при царе это было Коммерческое училище и в нем учился глава советских писателей Александр Фадеев.

13

Физик Проклов держался независимо, набивал себе цену. Самохин рассказал ему вкратце о чисто технической стороне «аварий». Да Проклов лишнего и не спрашивал.

— Что же, похоже на резонансное возбуждение, — сказал он, подумав.

— Что-то у тебя опять резонанс. А нового ничего не можешь придумать? — с осторожной насмешкой спросил Иван.

— В физике ничего не придумывают: есть же бритва Оккама. Это вы там… — парировал Проклов.

— Ну, у нас тоже стараются без фантазий обойтись. Этому и молодых учим, — примирительно сказал Иван, кивнув на Сашу. И опять к Проклову:

— Знакомься — тезка твой, — вновь кивнул он на стажера. — С высшим образованием! Не то, что мы, грешные. Скоро он к тебе будет обращаться.

Физик с интересом посмотрел на Сашу. И тот простодушно брякнул:

— А что такое «бритва Оккама»?

— Правило такое: «Не умножай сущности без необходимости», — ответил Проклов серьезно.

— Что-то вроде презумпции невиновности у юристов? — переспросил стажер.

Теперь уже задумался физик.

— Ладно, к делу! — вмешался Иван. — Шурик, можешь нам сказать, кто и как трясет провода?

Проклов глухим голосом уточнил:

— Так ветра не было? Мода, как я понял, только основная?

— Чего? — удивился Самохин. — Какая еще мода?

— Ну, это форма колеблющейся струны, — пояснил физик.

— А черт ее знает! — сказал Иван.

— Ясно: самому подергать надо, — буркнул физик.

— Вот и я о том же! — обрадовался Иван. — Посмотри сам. Только, Шурик, срочно, а? И ночью: чтоб никого не спугнуть. Мне завтра к вечеру докладывать. Я помогу: бойцов дам дюжину, машину, приборы, какие скажешь — лишь бы нашлись в городе. А надо — и в Хабаре запросим.

Проклов опять задумался.

— А ты все еще не доцент? — спросил Иван. — Я напомню куратору вашей конторы…

— Ладно, — сказал Проклов, — трамваи до часу ходят? Заскочи за мной хоть пешком часа в четыре ночи. Никого не надо, только ты и твой помощник. И пусть сеть обесточат.

14

Когда шли вниз по улице Менжинского в Управление, Саша сказал:

— Что-то этот Проклов носище задирает. Будто профессор.

— А пусть себе — куда он от нас денется! — усмехнулся Иван. — С ними, с интеллигенцией, на словах надо мягко, а в кулаке их держать жестко…

Наверное, проснуться труднее всего в полчетвертого. Саша проспал бы, но вахтер общежития не подвел — разбудил без пяти четыре. Едва умывшись, Саша выбежал на улицу и на углу увидел силуэт полуторки.

— Ну, ты и спишь! — добродушно вякнул Иван.

Саша залез в будку на кузове, в полусне не понял, как домчались к дому Проклова. Физик уже ждал. Он забросил в кузов бельевую веревку, двухметровую геодезическую рейку и — «Помоги!» — подал гирю-полупудовку. Сел рядом:

— Поехали!

Подъезжая к Врачебному, выключили фары и двигатель, полуторка пошла накатом, как призрак.

Остановились в нижней трети переулка, в самой тьме. Слева — длинный забор склада крайбольницы, справа — трамвайный путь, а сразу за ним крутой откос и штабеля железных бочек. Иван тихо выскользнул из кабины и стал поглядывать вдоль улицы. Проклов умелым броском альпиниста перебросил веревку через трамвайный провод и подвязал на уровне груди гирю. Поставил на землю вдоль веревки рейку и сказал Саше:

— Держи строго вертикально!

Подозвал Ивана и заметно вежливее ему:

— Раскачивай гирю вверх-вниз, чтоб размах был точно полметра, да не придерживай. Подсвети!

Иван левой рукой достал армейский фонарик, включил.

Раскачали, как надо, и Проклов стал считать качки до сотни, заметив по секундомеру время.

— Брось качать! — резко сказал он, но считать не прекратил, пока гиря не успокоилась.

— Надо повторить, — распорядился Проклов.

Все отработали заново.

— Еще раз повторим, — упрямо сказал физик. Самохин что-то недовольно буркнул, но подчинился.

— Все, снимаем и едем! — скомандовал Проклов, записывая что-то в блокнот.

Саша отвязал гирю и запрокинул голову, стаскивая веревку… — такого он еще не видел! Сыпался звездный дождь. Ежесекундно вспарывал черный бархатный свод неба очередной серебряный след метеора.

— Смотрите! — восхитился Саша.

— Кажется, Леониды — метеорный поток, — пояснил физик. — У многих племен…

— Вы еще желанья тут загадывайте! Тащите живо! — оборвал их Самохин, быстро глянув на небо.

Машина выкатилась к крайбольнице, включила фары и минут через пять тормознула у дома Проклова.

— Ну и что скажет наука? — как бы с иронией спросил Самохин. Проклов подошел в свет фар, достал блокнот, логарифмическую линейку и стал чего-то вычислять. Вскоре сказал:

— Отлично: декремент малый, резонанс острый. При сосредоточенной силе достаточно тысчонки ньютонов плюс-минус пятьсот.

— Ты по-русски скажи! — хозяйски велел Иван.

— Провода может раскачать один человек весом сто или даже пятьдесят килограммов, если повиснет на них примерно посередине переулка. Но достаточно и просто столб раскачивать хоть на долю миллиметра при таком-то декременте.

— Вот это дело! — восхитился Самохин. — Вот это наука! Ну, спасибо, Шурик, уважил! А как же он за провод под током схватится?

— А, к примеру, почти невидимая японская рыболовная леска на пудовую рыбу вполне сгодится: у нее тройной запас прочности.

16

После полубессонной ночи Саша малость опоздал на службу. На его извинения Самохин мрачно промолчал, и только. Вдохновленный этим стажер не без нотки заискивания сказал:

— Удачный вчера день был, да?! И Курочка Ряба не появлялась.

— Это и плохо, — отозвался Иван. — Я ведь вчера полдня держал засаду в проходном дворе. А вдруг он почуял ее? Или засек?

Сашу кольнула обида: что же в тайне от него засада-то? И он не удержался:

— А сегодня — есть засада?

— Есть. Нам везет, что Ряба только с утра приходит. По идее, ей бы в час пик движенье срывать. Когда люди на работу едут или с работы. А она сперва выспится и… В тот же день налет больше не повторяет. Обед не пропускает, после него — снова в сон…

— А физик не придумал, как помешать ей? Ну, там, с проводами чего сделать?

— Мешать не надо: скорее выловим. Меня торопят, вот уже в крайисполком вызывают, в транспортный отдел.

— Так срочно? Из-за какой-то курочки рябой? Ну и ну!...

— Чего «ну»? Ты что — не понимаешь, что Владик — база флота, закрытый город, прифронтовой? В Корее только перемирие, снова вспыхнуть может. Это еще счастье, что всех китайцев да корейцев из Приморья выселили задолго до войны. Их тут было почти треть населения. А японское консульство сколько нам крови попортило! А кулацкие банды в начале тридцатых даже под Шкотово орудовали, по прямой — двадцать километров отсюда. Сосиновича там захватили и расстреляли, и с ним два десятка наших. Главную баню в городе взорвали, на Ивановской. Сколько жертв!...

— Извините, товарищ майор, — сказал Саша. — Я не знал. Я во Владике всего месяц.

— То-то! — продолжил Самохин. — А меня тут чекисты подобрали еще пацаном, на вокзале. Вымыли, накормили, на Дальзавод устроили, учеником слесаря. Я на том вокзале так и рос беспризорником. Как поется: «Позабыт, позаброшен, с молодых юных лет я остался сиротою, счастья-доли мне нет». В двадцать первом году, еще при Меркулове, чудом не помер: чума там разгулялась, самая злая в России. А потом, уже в ГПУ, дюжину раз мог на тот свет. И восстание в Романовке давили, и вообще до самой Улунги, верст на шестьсот. А Русская фашистская партия… диверсанты эскадронами перли.

Майор понял, что разболтался. Но воспоминания рвали ему душу — не удержать.

— Я с фашистами, с Русской фашистской партией, рано схлестнулся, еще до войны. Между прочим, осенью сорок пятого в Пограничном я принимал от СМЕРШа их писаку, автора их гимна. Он в гражданскую у Колчака был комендантом Омска, столицы ихней, значит, расстрелами командовал. Некий поручик Митропольский, лет пятнадцать ему дали бы. Да сдох, гнида, до суда еще.

— А в войну что здесь было? — спросил Саша.

— Не видел: меня зимой сорок второго переправили в блокадный Ленинград. Там особистам делов хватало. А летом сорок пятого вернули меня сюда, с рокоссовцами, со штрафниками. Мы их тут пулеметами успокаивали, на Пекинской улице. Пока не загнали в лагерь на Лянчихе. Потом их — на японцев. А город так и был прифронтовой. Камикадзе как-то прорвался. Сбили его. А врезался бы в нефтебазу — всю Первую Речку мог сжечь, и станцию, и депо трамвайное, и полрайона. А в позапрошлом году два американских самолета разбомбили аэродром на Сухой Речке, считай, под городом. Я туда тоже ездил, искал, кто их с земли навел. Щас вот Америка в город шпионов пихает, апатридов там всяких. А мне еще эту Курочку Рябу пристегнули…

Самохин помрачнел и замолчал. Но едва Саша собрался спросить, что же ему сейчас делать, как майор приказал:

— Вот тебе задание: иди во Врачебный и попробуй обнаружить нашу засаду. Если выявишь — тебе моя благодарность, а им — голову сниму! Да и сам будь начеку: новичкам, бывает, везет.

17

Осталось неясным, заметил бы Саша засаду или нет: через час над переулком вверх-вниз раскачалась контактная сеть. Быстро, несильно, однако достаточно, чтобы трамвай номер 43 остановился. Поток людей из него был жиденький: видимо, Петрова уже объявляла, что через три-четыре минуты тронется. «Тем легче всех запомнить», — подумал Саша, выскользнул из-за угла и влился в поток тех, кто пошел проходным двором на Уткинскую. Делая вид, что очень спешит, обогнал всех. На Уткинской резко свернул к водоразборной колонке, нажал рычаг, нагнулся и стал ловить ртом тонкую струю воды, глядя из-за нее на лица проходивших мимо. Прошло полгруппы, и Саша решил: «Так, дальше играть в жажду неестественно». Отпустил рычаг и наклонился, сбивая ребром ладони воду с забрызганных внизу брючин. Боковым зрением — на лица прохожих.

«Вот он! — чуть не вскрикнул стажер. — Вот Курочка Ряба»! Да, последним, поотстав, шел парень лет двадцати, в неприметной рябой рубашке и серых дешевых брюках. Видимо, его выдало лицо: у всех досада, озабоченность, даже раздражение, а у него — сосредоточенность.

«Вот, вот Курочка Ряба!» — кричала Сашина интуиция. «Его не было среди вышедших из трамвая: он где-то пристроился к группе. Вес — семьдесят — семьдесят пять кило».

Пропустив парня, стажер пошел за ним, догоняя. На повороте у кондитерской фабрики «объект» на секунду быстрым цепким взглядом скользнул вверх по Уткинской. «Хвост проверяет!» — отметил Саша. Он пересек трамвайные пути и с деловым видом пошел другой стороной улицы. Парень спокойно двигался вдоль длинного здания Управления МВД. «Вот сволочь — торжествует, не отказал себе в удовольствии пройти мимо нас. Ну, погоди!»

Напротив главного входа Саша рванулся через улицу к парню — тот мгновенно нырнул… в Управление! Стажер вбежал за ним через три-четыре секунды, выхватив удостоверение. В вестибюле — только дежурный равнодушно кивнул ему. Осталось броситься в кабинет Самохина: доложить и спросить, нужно ли посвящать дежурного в поиски... Парень в рябой рубахе был там, стоял перед майором.

— …прошляпили Курочку, — закончил Самохин и, взглянув на стажера:

— Почему без стука? Порядка не знаешь?

— Разрешите идти? — спросил парень в рябо-сером.

— Иди. Снимай засаду! — раздраженно сказал ему Самохин. — Второй раз она в тот же день не приходит.

Но после обеда Курочка Ряба еще раз остановила трамвайный вагон номер 43. Как раз перед тем, как майору пришло время идти к высокому начальству. Саша ждал его в кабинете до сумерек.

18

— Все — конец Курочке! — сказал Самохин, входя в кабинет. — Завтра возьмем. Возьмем!!

— Как? — удивился Саша. — Установили личность?

— Нет, — нехотя признался Иван. — Но это не важно. Многие проблемы на самом деле решаются просто: мощным ударом кулака. Мне удалось выпросить дюжину комсомолок из наружки на полдня. Думаешь, легко было? Девочки нарасхват, и в любое время суток их могут срочно дернуть на слежку.

Он чуть нахмурился и продолжил:

— Только бы вышла она с утра, Курочка эта, только бы вышла!.. Вот, брат, даже молиться стал, докатился. Ну, я ей голову оторву! Ой, оторву!!

Успокоившись, Самохин разложил на столе план Владивостока, подогнув края так, что сверху осталась часть Фрунзенского района с Врачебным переулком в середине.

— Смотри, — подозвал он Сашу. — С севера тут длинный штабель пустых бочек железных за колючкой, дальше — корпус пединститута тянется. В штабеле спрячем четырех девочек, в институте — трех сотрудников, и я с ними. С юга здесь лишь один проходной двор: как раз от барака на Уткинскую улицу. Тут глухие заборы метра два высотой, тут длинный склад, помнишь? Столбы, слава богу, не за заборами. Так что еще четыре девочки — с этой стороны. Да так, чтоб каждый — повторяю, каждый! — метр проводов, да и каждый столб был под наблюдением от макушки до земли. Проход с Уткинской блокирует милиция, и с ней — еще один наш. К рельсам пускать всех, обратно — всех брать! На всякий случай, Уткинскую заткнем: сверху комсомолка да снизу — тут, где угол кондитерской фабрики. Здесь, в корпусе крайбольницы — еще сотрудник и мильтон.

— А я? — горя нетерпением, вмешался Саша. — Я — с кем?

— А тебе — самое лучшее место, — наигранно-убедительно сказал Самохин. — Вот здесь, на крыше второго корпуса крайбольницы. Отсюда просматривается весь Врачебный снизу доверху. И дислокация всех трех групп, включая милицию, и почти всех филеров. Телефон к тебе подведут от моей группы, от пединститута, Морев позаботится. Обо всем подозрительном — сразу мне!

Саша был разочарован: ясно, что Самохин отстранял его от погони, захвата и возможной стрельбы.

— Ну, чего надулся? — усмехнулся Иван. — Ты — мой резерв Главнокомандования. Пойдем на местность, определим точно пост каждому. Только бы появилась с утра эта Курочка Ряба.

19

Ночь была необычно прохладная, да и утро тоже. Крыша еще не нагрелась, но Саша дрожал не от этого, а от какого-то азарта охотника. Иногда даже, нервно смеясь про себя, шептал:

— Ну, приди, Курочка Ряба, ну, приди! Цып-цып-цып: выгляни в окошко — дам тебе горошка.

На минутку мелькнула совсем детская мечта: диверсант, крепкий парень, молодой или не очень, рванет вниз, потом — вправо, обманув двоих в крайбольнице. И тут на его пути встанет он, Саша, последний резерв. И не хуже знаменитого Никиты Карацупы скомандует:

— Руки вверх!

«Брось ребячиться!» — приказал он себе и снова, в который раз, стал тщательно просматривать в морской бинокль каждый метр переулка и откоса слева.

По Врачебному скатывались вниз нечастые трамваи, ползли вверх встречные. Вагон номер сорок три уже дважды прошел на вокзал и обратно. И каждый раз казалось, что провода начинали раскачиваться вверх-вниз, все напрягались, но — напрасно.

В девятом часу потянулись редкие прохожие, в основном старики и старухи. Как ни пытался Саша заметить кого-нибудь из девчат наружного наблюдения, но видел только одну, ближнюю. Она открыто стояла за углом, под окном кондитерской фабрики, словно поджидая кавалера. Тоненькая, хрупкая, как старшеклассница.

Саше вдруг пришла в голову странная мысль, что диверсантом окажется как раз ее любимый. Стажер крутнул головой, отгоняя наваждение: «Вот еще — шекспировские страсти!.. Вроде сейчас сорок третий должен быть… Да вот и он!» И глянул вдоль переулка: провода качались! Еще едва заметно, но размах явно нарастал. Саша подобрался, мельком глянул на девчонку… Она, обмякнув, сползала по стене фабричного корпуса; секунда — и ее тело, раскинув руки, распласталось на тротуаре. Стажер опять схватил бинокль; волосы девушки разметались по земле, и даже отсюда Саша разглядел совершенно бледное, безжизненное лицо. Он нажал кнопку вызова, схватил трубку телефона и громко зашептал:

— Провода качаются! Агент наружки — мертвый: выход с Уткинской вниз открыт. Провода качаются!!

— …мать! — услышал он голос Ивана. — Ты понял?!

И тут Саша сообразил, что в волнении он не сразу отпустил тангенту трубки. Поэтому приказ Самохина он не принял! Сгорая от стыда, стажер попросил:

— П-п-повторите, пожалуйста! — и сразу отпустил тангенту.

— Да сиди уж на месте, гад! — яростно прошипел Иван. И уже спокойнее добавил: — Смотри во все глаза! Запомни все! Провод — сами видим…

Похоже, он ударил трубкой о рычаг. И, грохнув бугелем о крышу вагона, остановился трамвай. Как раз на месте, где месяц назад он отрезал голову курочке рябой. Провода уже ходили вверх-вниз, как обычно. Анна, как ей и приказали, дверей вагона не открыла никому. Из барака вышла старуха-татарка, из двора — Чекушка и Светка с тетрадкой, за ней — два дошколенка (опять в школу играли?). Все они уже без особого интереса уставились на замерший трамвай. Больше не происходило ровно ничего.

Впрочем, вот из пединститута, непринужденно болтая, выбежали два студента-переростка и рванули через улицу. Сотрудники МГБ? Конечно — институт ведь на каникулах. Да, вот еще один. Провода стали медленно успокаиваться. Саша позволил себе взглянуть на угол у «Конфетки». Вокруг тела девушки стояла группка зевак, среди них — милиционер. Ага, вот и второй бежит вниз по Уткинской. Подошел трамвай снизу и тоже остановился. Но через минуту-две тронулся вниз сорок третий, и сразу же — встречный. От крайбольницы к «Конфетке» бежали два санитара с носилками…

Неожиданно резко звякнул телефон. Саша схватил трубку и услышал:

— Отбой… Сбор у меня в кабинете. Сейчас же!

Саша вошел в кабинет Самохина, опять забыв постучаться, будто прыгнул в холодную воду. За столом сидел Иван, мрачнее тучи. На диванчике справа — ОТУшник-связист Морев, рядом с ним — какая-то немолодая женщина. Старшая наружки? Напротив, у стены, съежился на стуле сержант милиции.

Самохин тяжелым взглядом показал на стул около себя. Саша понял и, как под гипнозом, прошел туда и сел. Чего уж яснее — операция провалилась.

— Итак, первое — связь, — начал Самохин. — Активная часть операции заняла две… ну, три минуты. Именно в момент ее начала отказала связь наблюдателя со мной.

Самохин вопросительно взглянул на Морева. Тот со штатской неспешностью поднялся и уверенно сказал:

— Абсолютно вся аппаратура отработала как часы. Линии не повреждались.

Саша вдруг начал краснеть. Понимал, что сейчас он, конечно, признается, но молил бога: лишь бы не залиться постыдной окраской щек. Иван мгновенно заметил все и уставился на стажера. Саша поднялся:

— Т-товарищи, — выдавил он, — это из-за меня… Я… не отпустил тангенту. Пальцы — как застыли. Судорога…

— Слышал я твой судорожный доклад, — будто с легким презрением перебил Иван. — «Провода трясет, агента убили!». Садись, все ясно.

Саша сглотнул пересохшим горлом и сел.

— С молодым — понятно, — вздохнул Самохин. — А вот вам, товарищ Морев, надо бы выговор, я доложу. Чтобы никаких полудуплексов.

И заметив, что связист собрался возражать, Иван упредил его:

— А если бы у стажера обе руки оказались заняты — как ему говорить в ваш… фонограф?

Морев обиженно плюхнулся на диван.

— Впрочем, больше замечаний по связи нет. Вы свободны! — отрезал ему Самохин. И дождался: связист не спеша встал, опять уверенно сказал «есть» и вышел из кабинета.

— Теперь — милиция, — сказал Самохин. — Докладывай.

Сержант вскочил:

— Выходящих из зоны оцепления задержано: в 8.14 — Добрицкий, старик; в 8.40 — гражданка Чеканова; в 9.05 — шофер кондитерской фабрики Кузьмин. Входили в зону: шофер Кузьмин в 9.04 со стороны переулка. В 9.07 был приказ послать срочно участкового на нижний выход с Уткинской. В 9.20 поступил сигнал «отбой».

— Все? — спросил Самохин. Сержант замялся:

— Тут вот… в 8.35 внутри зоны через забор от складов «Конфетки» перелез рабочий Минской. В 8.37 он вернулся тем же путем.

— Задержали? — спросил Самохин.

— Нет, — виновато ответил сержант, — это же все внутри зоны оцепления.

— А где разумная инициатива? Взяли бы незаметно. И еще минус: чего это участковый бежал в форме по Уткинской?

— Вы же нам сказали: все — в гражданской, а участковый — в форме…

— Да бежал-то зачем? Бегущая по улице милиция — это как сирена тревоги для всех.

— Виноват, — понурился сержант.

— Что говорили задержанные, как вели себя?

— Кузьмин радовался, что его задержали. Мол, опаздывал в гараж и боялся, что его в этот раз уж точно уволят. А теперь оправдание будет: справку от нас просит. Добрицкий шел на Суйфунский базар, как обычно. Ругался, но терпимо.

Тоже справку требовал. А вот Чеканова сказала, что к начальнику милиции шла. А зачем — молчит. Даже участковому своему не говорит, с каким делом.

— С ней я сам разберусь, — буркнул Иван. — Добрицкого и Кузьмина отпусти со справками. А вот Минского задержи сейчас же. Пусть сидит у вас. Хоть один задержанный будет. Выполняй, сержант.

Милиционер слишком громко, не без радости, отчеканил «Есть!» и вышел из кабинета.

— Так что у вас там с наружкой стряслось? — обратился Самохин к женщине. Саша почувствовал, что опять краснеет.

— Врач сказал, что похоже на голодный обморок.

— Ну?! — удивился Иван. — Сейчас не сорок второй и не блокада. Что-то у вас, лейтенант…

— Да я из нее душу вытрясла! — продолжила женщина, не вставая. — Она вобще-то девочка очень старательная. Позавчера вечером ее срочно послали вести объект до Хабаровска. А обратным поездом, в ночь, она тоже приглядывала за одним — в Хабаре ее нагрузили. Говорит, не стала и ужинать, сил не было. Бухнулась в постель, а через час ее посыльный поднял, по вашему делу. Где ж мне свободных людей брать?

— А паек ей на что дают? — начал злиться Самохин. — Шоколад там, сгущенка…

— У нее отец погиб в декабре сорок первого. Мать лишь в сорок шестом в это поверила, да сразу и слегла. Сестра четырнадцати лет и брат двенадцати на ней висят, да мать еще… Видно, недоедает девушка, всю семью кормит.

Иван вскипел:

— Когда я в Ленинграде был в блокаду, я таких «добрых» под трибунал отдавал! Если летчик свой паек, конфеты там шоколадные, отдаст кому — он в бою будет сбит!! Это — предательство Родины. И вашу девчонку Родина кормит особо, чтобы она Родину любила, а не мать. Чтоб она жизнь была готова… И мы всегда на войне, я вот — уже двадцать лет. Вы это понимаете?

— Понимаю! — с некоторым вызовом ответила наставница наружки.

— Так вот объясните это своей… если понимаете. Она что — за пайком к нам пришла?

— Нет, она не за паек — за идею! — парировала инструктор. И уже примирительно добавила: — Я сама пошла и постояла на том месте. Там как раз окно из цеха пряников. И вентилятор вытяжной. Такой дух горячий и медовый — у меня самой голова закружилась. А с девушкой я разберусь, будьте уверены. Вину свою готова признать. Но уж простите: панику из-за нее поднял кто-то из ваших…

— Ладно, идите, — успокаиваясь, сказал Иван. — Опросите всех своих и отчет — мне.

Когда дверь за старшей наружки закрылась, Самохин повернулся к Саше:

— Ну, ты все понял? Вижу, что осознал: то и дело краснел как барышня. Поговорим еще потом, а сейчас моя очередь краснеть на ковре у начальства. Операцию просрали… Обвела нас Курочка Ряба вокруг пальца.

21

На следующий день стажеров, сержантов и вообще всех молодых новичков собрали на политзанятия. Проводил их сверстник Самохина, и тоже майор, Кириллин. В основном он говорил о внешнеполитических инициативах Берии, о Германии, Югославии, Корее.

Когда Саша вернулся в кабинет Самохина, тот не без интереса спросил:

— Ну, и о чем же вам Андрей там рассказывал?

— О товарище Берия, о его роли после кончины товарища Сталина. Лаврентий Павлович сейчас ближайший соратник товарища Маленкова. Я даже подумываю, что сразу после Сталина он не взял первую роль только по тактическим соображениям. Но Георгий Максимильяныч его очень ценит.

Самохин досадливо поморщился и с ленивой иронией сказал:

— Не советую тебе совать свой нос так высоко да распускать язык. Кто ты такой: Чапаев, что ли, «в мировом масштабе»? С суконным рылом да в калашный ряд.

Саша слегка обиделся и замолчал. Тогда Иван продолжил:

— Я ведь пришел сюда еще при… ну, после мерзавца Яго́ды. Тогда всерьез начали придавать органам пролетарский характер. Вот я из слесарей по путевке комсомола и пошел. Время настало крутое. Стал бы я умничать, разбираться — пропал бы вместе с тогдашними кадрами. Когда нарком Берия возглавил органы, он, как водится, провел жесткую чистку. У нас комиссия была из центрального аппарата. Мне сказали: «Ну, ты не обольщайся: просто еще не успел запачкаться». Вот с тех пор вооруженный отряд партии сильно поумнел. Троцкого добили, фашистов раздавили, атомную монополию мирового империализма живо ликвидировали. Американцев, да и не только их, крепко вздрючили в Корее. И заметь — все под командой Берии. Да кто лучше-то выполнял волю товарища Сталина?

— Вот и я о том же, — поддержал Саша. — Умнейший он человек. Недаром его давно уже ученые в академики избрали.

— Ну, хватит, давай о нашем деле! Я сейчас пойду к мильтонам, в КПЗ, попробую выпотрошить этого рабочего, Минского. А тебе придется здесь провести жесткую беседу с дедом Добрицким. Чекушка доложила, что он во дворе и на базаре, как только услышит песню «Москва — Пекин», ворчит, что никогда китайцы не будут нашими друзьями. Называет их какими-то «фырганами» и холерой, даром, что толстовец. Проверь, тянет ли это на 58-10, да и что там «в силу международной солидарности» можно навесить…

Самохин ушел, а Саша сел за стол на место майора. Ждал, когда приведут к нему старика Добрицкого, и думал, как же решить его судьбу. А в голове крутился популярный марш Вано Мурадели:

Русский с китайцем братья навек.
Крепнет единство народов и рас.
Плечи расправил простой человек.
С песней шагает простой человек.
Сталин и Мао слушают нас.
Москва — Пекин!
Москва — Пекин!
Идут, идут вперед народы
За светлый путь, за прочный мир
Под знаменем свободы.

«Дело-формуляр на Добрицкого наверняка ведется, — подумал Саша. — И возможно, в нем есть даже справка, как он полтора года подавлял ихэтуаней, с юности заряжаясь ненавистью к китайцам. А потом Русско-японская… А хунхузы в Гражданскую? Видимо, решение по старику Самохин уже принял. И мне надо лишь угадать, какое оно…»

В мире прочнее не было уз,
В наших колоннах ликующий Май.
Это шагает Советский Союз,
Это могучий Советский Союз,
Рядом шагает новый Китай!
Москва — Пекин!..

22

Слухи по Управлению не ползали: они как-то витали в воздухе. Словно вирусы гриппа, они быстро заражали большинство сотрудников. И невозможно было установить, кто их занес, что кому передал. Вроде и разговоров не было, но большинство уже знало: исчез Берия. «Убыл в секретную командировку, — убеждали себя оптимисты, — в Германию, или… в Югославию». А может быть, он в Корее, полный мир готовит? Или все время отдает новой сверхбомбе, водородной какой-то. Но почему такая щемящая душу тревога? В кабинете начальника Управления сняли портрет Лаврентия Павловича, ничего не объясняя.

Июльский пленум ошеломил практически всех. Постановление о выводе Берии из Президиума Верховного Совета СССР и из ЦК ВКП (б), исключение его из партии, как землетрясение, выбивало почву из-под ног.

Придя на службу, Саша узнал, что Самохин заболел и санчасть Управления отправила его в краткосрочный отпуск. Неслыханное дело!

А уже в девять часов утра «Курочка Ряба» остановила трамвай номер 43. Надо было выпускать Минского. Тем более что рабочий признался только в том, что крал сырец-шоколад и таскал его домой еще с утра: в конце смены на проходной обыскивали.

В кабинете у майора на его столе стажер нашел записку: «Саша, если будет нужно, приходи ко мне домой. Ул. Верхнепортовая…», ну и т. д. Почему-то не было номера телефона. Впрочем, домашний телефон был не у каждого чекиста.

23

Через день снова был остановлен трамвайный вагон номер 43. И стажер, надев форму и начистив сапоги, пошел на Верхнепортовую. Квартиру отыскал легко, на втором этаже. Прежде, чем позвонить, по привычке прислушался. Сквозь дверь отчетливо доносилось:

Вспомним мы тех, кто командовал ротами,
Кто замерзал на снегу,
Кто в Ленинград пробирался болотами,
Горло ломая врагу!

«Неужели Самохин?» — удивился Саша. Голос был вроде его, но как будто стонущий. Саша прислушался:

Вспомним мы тех, кто погиб под Синявино,
Кто не сдавался живьем.
Выпьем за Родину, выпьем за Сталина,
Выпьем и снова нальем!

Да, это был голос Самохина. Саша решительно позвонил. Самохин мгновенно смолк. Но пришлось еще раз позвонить: пауза затянулась.

— Кто там? — спросил дрожащий женский голос.

Этого Саша не ожидал и потому брякнул:

— Откройте, пожалуйста, я из МВД. Вы меня не знаете.

Открыла испуганная женщина и без слов покорно посторонилась.

Дверь в конце длинной темной прихожей была открыта, и Саша сразу увидел в комнате Самохина. Иван сидел за столом и действительно выглядел тяжелобольным: смертельно бледное застывшее лицо, спутанные, мокрые от пота волосы, остекленевшие глаза. Едва заметив форму чекиста, он рванул ящик стола, выхватил оттуда пистолет и безумно закричал:

— Всем стоять!! За мной пришли? А хрен вам! Стоять, гады!..

И его бледное, как у мертвого, лицо вдруг пошло красными пятнами.

— Товарищ… Иван Васильич!... Это я, Саша! Я вот… — и стажер, сделав еще пару шагов, возник в проеме двери.

На секунду дикий взгляд Самохина стал осмысленным. Но тут же он хрипло зарычал:

— Тебя прислали?! Как всегда!... Твой час… Кто там с тобой? — И он прицелился навскидку. Стажер мгновенно бросился вперед-влево, в грохот выстрела. «Второй — в меня…», — обреченно понял он, заученно прыгнув правее. Но Самохин чуть дрогнувшей рукой направил пистолет себе в висок. В третьем длинном прыжке Саша отчаянно рубанул ребром ладони снизу вверх локоть Самохина. Тяжелый ТТ кувыркнулся в пол стволом. По инерции стажер врезался в Ивана, и тот, перелетев через табурет, грохнулся в угол комнаты, под фикус. Звон бутылок, покатившихся по полу, потонул в женском вопле ужаса:

— Ва-а-ня!!

Саша вскочил, схватил пистолет Самохина. А Иван сидел на полу, безвольно охватив голову. «Да он сильно пьян!» — только сейчас понял стажер. Жена Ивана ворвалась из полутемной прихожей и, с неожиданной силой оттолкнув Сашу, бросилась поднимать мужа. Левый бок ее под блузкой быстро окрашивался кровью. А из раны предплечья, почти у локтя, кровь уже капала на пол и на брюки Ивана. Но плачущая навзрыд женщина ничего не замечала. «Касательное. Кости не задеты! — мигом определил Саша. — А ведь три-четыре вершка левее и — в сердце бы…» Увидев кровь, Самохин мигом протрезвел, железной хваткой пережал вену жене под локтем и крикнул Саше:

— Тащи бинты! Третий сверху ящик! — и он кивнул на комод.

Наложили тампон и туго перевязали руку поверх него. Женщина всхлипывала, затихая.

— Вызывай скорую! — сказал Иван. — Телефон в кухне, на стене висит.

Пока Саша дозвонился, Самохин, сорвав блузку, прибинтовал жене второй тампон к боку и надел на нее свою рубаху. Женщина полулежала на диване, уже спокойная.

— Зачем скорую? — растерянно спросила она. — Сама залечу!

Иван промолчал, увидел стакан, на треть с водкой, и залпом выпил.

— Надо скорую, — пояснил Саша, — так положено. И будет лучше для всех нас.

Женщина закрыла глаза. Самохин сгреб ее белье с пола и, качаясь, понес его на кухню. Саша побрел за ним.

— Все — теперь уж точно конец мне, — неожиданно глухо сказал Иван. — Сына в училище арестуют, дочку… из института вышвырнут, а меня, как бериевского… Мне показалось, что с тобой еще двое пришли. Трезвый я бы не промазал. И-и-эх!

— Бросьте, Иван Васильич, это случайный выстрел. Всего один. Случайный.

— Да я не о том. В тридцать девятом меня вот так послали с группой арестовать своего настав…

Резко оборвал Самохина дверной звонок. Иван вздрогнул. Саша, чувствуя взгляд майора, твердо пошел к двери и открыл ее. Нет, не скорая: решительно, но осторожно вошли два милиционера, третий остался на площадке.

— Что здесь деется? Кто стрелял? — спросил первый, форма стажера его явно успокоила.

— Вот мой документ! — Саша перекрыл взгляд милиционера раскрытым удостоверением. Тот быстро глянул и как-то смутился.

— А ваши документы? — наступал стажер, заслоняя спиной Самохина.

— Старший наряда сержант Кошкин! — представился первый, забыв козырнуть, и полез во внутренний карман.

— Составьте акт: один случайный выстрел, при исполнении служебных обязанностей. Пистолет ТТ нередко стреляет, если уронить, вы ведь знаете. Пострадавших… есть. Легкое ранение. Рикошет. Я по своей линии подам рапорт.

Наряд с видимым облегчением ретировался, столкнувшись в подъезде с врачом и санитаром скорой помощи.

Когда жену увезли, Самохин достал откуда-то бутылку народного коньяка «КВН» и налил в два стакана. Один протянул Саше:

— Выпей! Расслабиться тебе надо. А мне…

Он выпил до дна не спеша и не закусил. Саша отпил половину.

— Вот судьба: чуть вас двоих не угрохал, да и себя хотел, — начал Иван, и пьяные слезы вдруг покатились из глаз. — Меня все равно возьмут, — он всхлипнул, — а их-то за что? За что? Застрелюсь — их все равно…

— Да ты что, Иван Васильич!... — не очень уверенно возразил Саша. — Ты ведь орденоносец, «Почетный чекист». И сейчас не то, что до войны…

— А на это не посмотрят, я-то знаю, — жестко оборвал Иван. — И тебе в лучшем случае скажут: «Ну, ты еще не успел замараться», как мне когда-то.

Помолчав, он спросил:

— А ты чего пришел-то? Что стряслось?

— Сегодня утром опять трамваи остановили. Хотел вот посоветоваться, что делать.

Самохин как-то весь дернулся на табурете. «Так, наверно, американцы на электрическом стуле казнят», — почему-то подумал Саша. А Иван схватил недопитый стажером стакан, жадно выпил его и с размаху шваркнул о стол. Только осколки брызгами разлетелись по комнате.

— Курочка Ряба, да? — и он опять залился пьяными слезами. — Мне и это лыко в строку поставят. Ей голову давно трамвай отрезал, а она, сволочь, с того света мстит… Да я хорьком вонючим готов обернуться, на тот свет в командировку готов, чтоб ее зубами загрызть. Загрызть, сдохнуть, но загрызть. Готов на всю жизнь хорьком вонючим служить!...

И, уронив голову на стол, он зарыдал.

Больше трамваи во Врачебном переулке никто не останавливал. Курочка Ряба как в воду канула. Розыскное дело «Курочка» сдали в архив. Может быть, оно и до сих пор там.

На персонажа этой истории, названного здесь Иваном Самохиным, я вышел через заведующего кафедрой философии Дальневосточного научного центра кандидата наук А. Кириллина. «Горыныч», как его звали за глаза, служил когда-то в НКВД. Ко мне он резко подобрел после моего реферата о Че Геваре, ну и свел меня с посредником. Встречу назначили на главной площади Владивостока, вторая скамейка от левой скульптурной группы, в 14.00. Но с утра посредник позвонил и сказал, что старик сдвинул рандеву на 17.00 — в обед на площади будут встречать Солженицына — прилетает из США через Магадан.

Я не собирался его встречать и пришел в четыре часа дня. Площадь пустовала, а в центре ее торчала трибуна из свежевыстроганных досок. «Встретили писателя? Чего же трибуну не убрали? Да и площадь подмели бы. А коль не успели, так цветы бы валялись, лепестки хотя бы…» — подумалось мне.

У правой скульптурной группы толпились человек двадцать со свернутыми красными знаменами. Кого ждут коммунисты? «Значит, Солженицын еще не приехал», — мелькнула догадка.

Вскоре к трибуне потянулся народ, вот перед ней уже с дюжину. Ноги и меня понесли туда. Сбоку подошел крепкий мужик в футболке, лет едва за полсотни, и весело подмигнул:

— Ну что, встречаем Александра Исаича?

Я вежливо кивнул и отвернулся. Мужик остался справа, лениво оглядывая подходивших.

На ближнем фонарном столбе болтался как хоругвь портрет «народного мэра» Черепкова, в очередной раз выброшенного из мэрии указом самого Ельцина. Высоко висел портрет, не достать. Уже не меньше сотни собралось, когда сверху, от ГУМа, подъехал светлый «Жигуленок» и из него вылез сам Черепков с огромным букетом роз. Но к трибуне его не пропустили: люди стояли очень плотно, а он не особо рвался.

Толпа как-то мгновенно выросла — возможно, до тысячи. И вдруг взволновалась — сзади к трибуне подъехали три микроавтобуса. Каким-то чудом возник коридор, по нему быстро взлетел на трибуну Солженицын. Заросший, растрепанный, будто бы в брезентовой штормовке. Контрастно слева и справа от него встали сыновья, одетые как в театр, с любопытством иностранцев глядя на толпу. Еще правее — жена Наталья, высокая, стройная.

Толпа сжала так, что трудно было вдохнуть. Если бы не мой плечистый сосед в футболке, оттесненный за мою спину, быть бы мне сплющенным о впереди стоящих.

Солженицын раскрыл было рот, но… на трибуне возник огромный дебелый Игорь Лебединец, глава краевой думы и бывший предкрайисполкома. Громогласно «приветствуя и поздравляя гордость России на родной земле», он вдруг облапил Солженицына и полез его целовать. Исаич отбивался как мог, но куда там!.. Прямо сюрреализм — коммуняка Лебединец лобызает автора «Гулага». Мне удалось повернуть голову вправо до отказа и встать на цыпочки — благо, толпа держала плотно. Сюрреализм фонтанировал: коммунисты развернули большой транспарант, а на нем: «Александр Исаевич! Избавь нас от царя Бориса!»

А Солженицын уже метался по трибуне, как Ленин перед всеобучем, поздравляя всех налево и направо «с крахом зверского антинародного режима большевиков».

Над головой у него довольно раскачивался бюст Лебединца. И ветерок с моря ласково трепал волосы и бороду пророка в своем отечестве.

Я стал выбираться из толпы, это было нелегко, но мой сосед-благодетель тоже решился на ретираду и умело мне помогал.

— Ну, как тебе Солженицын? — свойски спросил он. Я неопределенно хмыкнул.

Метрах в двадцати за трибуной в группе своих сторонников тянулся вверх с букетом роз Череп, но — полная безнадега.

Самохина еще не было. А вскоре семейство Солженицына «и сопровождающие его лица» уехали. Народ быстро рассеивался, лишь вокруг Черепкова собрался кружок спорящих. Я побрел туда. Еще на подходе уловил, что спорили о возможности независимой Дальневосточной республики. Или хотя бы об автономии. Череп терпеливо разъяснял, что идея эта дохлая. Но едва он увидел в кружке меня, быстро свернул спор. А минут через десять «народный мэр» уехал на том же самом «Жигуленке», с тем же злополучным букетом.

Я оглянулся — оп-па! — на условленной второй скамейке сидел белоголовый поджарый старик в светло-сером плаще. Стараясь не торопиться, я подсел рядом и негромко спросил:

— Иван Васильевич?

Он едва заметно кивнул, спокойно и внимательно, но как-то искоса, разглядывая меня.

— Ну, как там Андрюха поживает? — начал он.

Я догадался, что это о Кириллине. И, как об общем приятеле, ответил:

— Здоров! До недавнего времени марксистско-ленинскую философию преподавал всем аспирантам. Но седой весь, тощий.

— Достиг, значит, своего. Мы с ним в тридцать втором оба сержантами НКВД были. Он и тогда отличался на политзанятиях. Обещал картотеку цитат из классиков марксизма на сто тысяч карточек составить.

— Достиг, — охотно поддержал я. — Хвалился, что сто двадцать тысяч уже.

— Да, еще тогда говорил, что будет обучать интеллигенцию научному коммунизму. Достиг!

Старик замолчал. Пришлось мне прерывать паузу:

— Ну, как вам встреча диссидента номер один?

— Организованно, — безучастно ответил он. — Мое-то дело — сторона. Но людей, видимо, не хватило…

— То есть? — не понял я. — Народу тыщи две было…

— А вон, видишь парня в голубой футболке? — повел он глазами. И я заметил невдалеке моего соседа по толпе!

— Что в нем не так? — озадачил старик меня.

— Одет пляжно? Да при его комплекции и не замерзнешь… Тем более в толпе… — недоуменно тянул я.

— А обувь? — снисходительно бросил Самохин. — К такому наряду надо легкие туфли или сандалии. И кого в резерве держат?!

Действительно, мой «приятель» был обут в крепкие тяжелые ботинки. В таких можно бегать по стеклу или дать убойного пинка.

— А еще: ты почти вдвое младше его, но он первый пошел на знакомство запанибрата, — продолжил старик. Я поразился: откуда он знает?

— Ну, давай свой вопрос! — вдруг оборвал он себя.

— Вы помните дело лета пятьдесят третьего года: остановки трамваев по Врачебному переулку?

Он помолчал полминуты и сказал:

— Помню. Мой помощник расследовал. Не вышло тогда у него.

— А нельзя ли с ним встретиться?

— Нельзя. Погиб он потом, в командировке.

Жгуче захотелось узнать, где и как погиб Саша, но я почувствовал, что этого Самохин мне не скажет. И сменил тему, желая задеть старика:

— А как вам эта дикость: одни коммунисты целуют Солженицына, а другие просят его избавить народ от царя — недавнего члена ЦК КПСС?

Самохин подумал минуту, взвесил что-то в уме и вдруг выдал:

— Знаешь, к нам недавно приезжал большой чин из руководства системы и сказал так: «Страну мы просрали! Но — расхлебаем». А еще он не рекомендовал нам пока носить некоторые награды. Но я вот…

И он чуть сдвинул полу плаща: на правой стороне груди я заметил орден… Нет, не орден, а знак «Почетный чекист». Но какой-то старого образца, не такой, что довелось видеть у одного полковника погранвойск.

— Редкий значок! — уважительно сказал я.

— Значок? — усмехнулся старик. Да за ним по статуту льгот побольше, чем за «Героем Союза»!

Самохин небрежно запахнул плащ. И тут боковым зрением я заметил, что из-за сидящих на соседней скамейке старушек поднялся тот мужик в футболке и с деланным равнодушием пошел прочь. Тоже увидел «Почетного чекиста»?

— И мне пора! — решительно сказал Иван Самохин. — Не провожай меня.

Но я все же проводил старика долгим, долгим взглядом. Пусть он так и не узнает, что мне удалось поговорить с «трамвайным диверсантом».

25

Диверсант «Курочка Ряба» попался мне совершенно случайно. Я собирал по крохам эту историю: кое-что рассказал декан физмата А. Ю. Прок, один эпизод — учительница Л. И. Танцуренко, пару сцен — сестра-хозяйка Краевой больницы Е. В. Повеквечная, много меньше, чем знал — старый чекист, имя его я не назову. Конечно, был я и «на месте преступления». Барак по Врачебному, 6 снесли и на его месте возвели типовой супермаркет «Ред Март». И все домишки с огородами исчезли, только бывшая детская больница да длинный склад еще остались. Да и Врачебный — давно уже переулок Павленко. Вместо штабелей ржавых железных бочек раскинулся скверик с японским памятником в честь японского храма, стоявшего здесь сто лет назад. А в здании бывшего педагогического института разместился истфак ДВФУ и Японский центр. Пыльный откос, заросший пасленом и полынью, из которой вылетела под колеса трамвайного вагона номер 43 курочка рябая, заменили каменной подпорной стенкой. Крайбольница и кондитерская фабрика все там же; но это уже другая улица. А за «Конфеткой» — комплекс новых домов: краевое Управление ФСБ.

Словом, искать кого-либо из живших здесь в пятьдесят третьем году было бесполезно. Взглянув напоследок на «Ред Март», я повернулся и… За моей спиной стоял зауряд-пенсионер лет за шестьдесят, ностальгически глядя на тот же супермаркет.

— Простите, вы жили здесь раньше? — безо всякой надежды спросил я.

— Да, я здесь вырос, в бараке.

Не знаю, какую мину удивления и восторга я скорчил, но старик рассмеялся.

— И вы помните пятьдесят третий год? — без особой надежды спросил я.

— Ну, кое-что помню. Тогда ведь Сталин умер. А потом Берию расстреляли. Еще частушка была:

А товарищ Берия
Не оправдал доверия.
И товарищ Маленков
Надавал ему пинков.

Правда я эту песенку слышал много позднее.

— Тогда, может быть, вы знаете историю про Курочку Рябу? В пятьдесят третьем году…

— Ну еще бы: это была наша курица. Она попала под трамвай номер 43. Так я с приятелем целый месяц мстил за нее: останавливали трамваи на месте ее гибели.

— Как?! — оторопел я. — Сколько же вам лет было?

— Да по шесть каждому. Но выглядели мы не старше пятилеток: послевоенные рахитики барачные. Однако похвалюсь: уже читать умели — Светка, сестра дружка моего, выучила.

— И как же вы трамваи тормозили? — крайне недоверчиво спросил я.

— А видите столбы железобетонные — поддержку контактной сети? Тогда это были обычные деревянные, как в деревне. Проволочная оттяжка от столба у барака уходила за двухметровый сплошной забор в наш двор. Дня через два после того, как трамвай курицу переехал, мы, два пацаненка, лихо раскачались, повиснув рядом на этой оттяжке. С улицы-то нас прикрыл забор. И очнулись, лишь когда услыхали голоса толпы взрослых и плач детей в нашем тихом переулке. Глянули сквозь дырки в заборе — мать честная! — стоят четыре трамвая, и толпа с бранью бредет по пыли. А вагоновожатые, задрав головы, смотрят на провод контактной сети: он — вверх-вниз ходуном. Убежали мы тогда… Ну, сколько ума у дошколят? Вот и сообразили: засечем, к примеру, что сорок третий следует за двадцатым. А на обратном их пути, пропустив двадцатый, начинаем раскачивать оттяжку. Вместе-то мы, да в одежде, килограммов пятьдесят весили.

— Да как же вас взрослые не замечали? — засомневался я.

— Ну, там у торца барачного была стена без окон. Забор да сараи с углем и дровами прикрывали. А мы дергали оттяжку строго вертикально: вот столб ее и заслонял. Специально-то не прятались, да на нас никто и внимания не обращал. Пару раз мужики какие-то нас шуганули: караулили они там кого-то. Но некое ощущение тайны, конечно, было. И страшное, дьявольское чувство тайной власти… Партизанская романтика, так сказать.

— И что — никто не догадывался? Родители, например.

— Да они про курочку рябую забыли быстро! Ни с чем и не связывали эти остановки трамваев. А потом нам просто надоело… Ну, извините, бежать мне надо.

И он побрел вверх по Врачебно… простите, по переулку Павленко.

Недавно я снова побывал во Владивостоке. В помещении «Ред Марта» был уже «Фреш», к Японскому центру добавили китайский Институт Конфуция. Столбы железобетонные еще стояли, но контактную сеть уже сняли, а трамвайные пути, готовясь к саммиту АТЭС, закатали в асфальт.